

МОЛОДЕЖНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

На границе

ДЖУЛИЯ ХЭНЛИ

18+

Джулия Хэнли
На грани
Серия «На грани», книга 1

<https://litres.ru/73761039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кейден:

Подпольные бои - единственное место, где я могу быть самим собой. Я так думал, пока не встретил её.

Остросюжетный молодежный роман с элементами эротики и психологической драмы.

Первая книга трилогии "На грани".

Содержание

Дисклеймер	4
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

На грани

Дисклеймер

Уважаемые читатели! Действия книги разворачиваются в городе Чикаго, расположенном в штате Иллинойс (США).

Все события и персонажи вымышлены. Любые совпадения случайны.

Книга содержит сексуальные сцены, сцены курения и распития алкоголя.

В книге намеренно использована привычная для России метрическая система (метры, километры), а также 24-х часовой формат времени.

От автора

Дорогой читатель!

На грани – это **ЯНГ ЭДАЛТ**: история любви, взросления, травм и восстановления, а также поиска себя и своего места в мире.

Это не триллер и не дарк-роман.

В книге есть напряженные сцены, болезненные решения, тема насилия и давления, но смысл истории – показать, как люди с травмами учатся любить себя и друг друга поновому.

Немного о мотивации Кейдена.

Его резкая и сильная привязанность – не «сказочная лю-

бовь с первого взгляда», а реакция травмированного человека, который впервые сталкивается с принятием и стремится переиграть тяжелое прошлое.

ПЛЕЙЛИСТ

KamNox– What We're Running From

GAITS– Wherever you go

GAITS– Edge of the world

Максим Золотов feat Нефть– Times Goes Right

Tomme Profitt, Fleurie – Wake me up

RJ Chevalier, Tara Minton– Do what you do (Moonlight remix)

Emmit Fenn– Count on me

Пролог

Кейден

Яма – единственное место, где я не вру.

Здесь я не такой, каким меня хочет видеть мать и преподаватели элитного университета. Они смотрят на меня как на наследника знаменитой фамилии, но когда я спускаюсь в этот бетонный колодец, то снимаю с себя их ожидания как дорогой пиджак.

Здесь я настоящий, и всем нравится это. А мне нравится балансировать на металлической балке шириной с ладонь.

Под ней три метра пустоты и плита с оголенной арматурой. Вокруг обшарпанные стены недостроя с выцветшими граффити. Для меня это место пахнет потом и опасностью, а для других – кровью и потерянными бабками.

Подпольные бои – детский сад в сравнении с тем, что происходит в яме. Здесь даже легкое касание может закончиться падением и обычно приводит к перелому рук или ног. Иногда черепа. А бывало – всего сразу. В этом нет жестокости ради зрелища. Есть простота: ошибаешься – падаешь без вторых шансов и “если бы”.

Каждый участник принимает правила: никакого оружия и защиты, кроме бинтов на костяшках. Победителем счита-

ется тот, кто устоит на балке. Он получает признание толпы, деньги и ночь с любой девчонкой из пришедших сюда. А проигравший соглашается с этим и не болтает о том, где его отметили. Это кодекс чести, который никто не подписывает, но и не нарушает. Чревато.

Перед турниром вокруг ямы собираются бойцы и толпа зевак. Кто-то просто смотрит, новички учатся тактике, но большинство делают ставки и неплохо зарабатывают на этом.

А я... просто живу моментом.

Эти стены, люди и адреналин в крови – все, что у меня есть.

Все, что осталось после *нее...*

Глава 1

КЕЙДЕН

США, штат Иллинойс, заброшенная стройка на окраине Чикаго.

27 сентября 2026 г.

KamNox – What We're Running From

В яме каждый день проходят бои. Кто угодно может участвовать в них. Вход свободный. Сегодня я разделал под орех пять боксеров из сборной какого-то университета. Пять из пяти. Придурки думали, раз они умеют драться на ринге, то

смогут победить и здесь. А последний – Тайлер, все это время стоял в сторонке, чтобы изучить меня.

Думает, что самый умный.

Теперь он передо мной.

Я смотрю на него и изнываю от скуки. Парень походил в спортзал, натянул кроссовки за пятьсот баксов и решил, что теперь он мужчина. Но это не так. Мужчина определяется тем, как он падает и поднимается, а Тайлер, похоже, падать не умеет. Никто и никогда не ставил его на грань, где нет папы с кредиткой и адвокатов, которые решат любую проблему.

Пропускаю первый удар. Не от слабости, а от любопытства.

Вдруг этот слонтяй заставит меня напрячься?

Его кулак врезается мне в скулу, и мир на секунду вспыхивает белым. Я чувствую вкус крови на губе, слизываю ее и улыбаюсь. Он замирает, потому что нормальные люди не смеются с разбитым лицом.

– Ну и? Я думал, хотя бы ты развлечешь меня.

Он делает вид, что не слышит меня.

Пусть. В тишине этого недостроя его молчание говорит громче любых слов. Оно кричит о страхе, который Тайлер пытается заглушить злостью.

Маменькин сын не умеет группироваться при падении. И я не о драке.

Он снова бьет.

Я вижу это еще до того, как его плечо начинает движение. За годы, проведенные на балке, я научился читать соперников быстрее, чем они успевают замахнуться: напряжение в трапециевидной мышце, смещение центра тяжести, взгляд, который на долю секунды уходит вниз.

Это опыт, выжженный на костяшках, и инстинкт, который не обманешь.

Уворачиваюсь.

Его кулак прорезает воздух, и ветер от замаха касается моего плеча.

Тайлер предсказуем, как фильм, который смотришь во второй раз. Тот самый, где уже знаешь каждую реплику, паузу и фальшивую ноту в саундтреке.

Я ненавижу предсказуемость. Ненавижу, когда меня считают ступенью, которую можно легко перешагнуть. Ненавижу, когда в глазах напротив нет огня, заставляющего драться, в то время как тело кричит: "Хватит!"

Бью быстро. Без замаха и предупреждения.

Тайлер не успевает увернуться, и мой кулак встречается с его челюстью. Парень дергает головой, его зрачки теряют фокус, а рот приоткрывается, будто он хочет сказать что-то, но слова застревают в горле.

Он еще не упал, но уже проиграл мне.

Следующий удар ногой я делаю, когда он начинает заваливаться. Не добиваю, а просто помогаю гравитации сделать свою работу. Моя ступня входит в его корпус, и я слышу, как

с тихим хрипом воздух покидает его легкие. А дальше парень срывается и летит вниз, в пустоту, которую я научился называть домом.

Так заканчиваются истории мальчиков, которые думали, что жизнь – это то, что происходит с кем-то другим.

Он лежит на спине, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. В этом есть что-то до боли знакомое. Знаю, он надеется, если сделает глубокий вдох, то вернется туда, где все было иначе.

Как и я когда-то.

Смотрю на парня сверху вниз.

Всего три метра отделяют его от того, чтобы быть на моем месте. Но в них целая жизнь, которую он не прожил, а значит, и не научился подниматься.

Я прохожу вперед и спрыгиваю с балки.

Вокруг шум. Кто-то хлопает меня по плечу, кто-то радуется, что сегодня поставил на победителя. Я не слышу их. Все, что достигает мозга – это взгляд какой-то девчонки и ее ровное дыхание.

Я заметил ее еще до боя, хотя обычно не замечаю никого. В ее длинных русых волосах бликует свет. Узкий топ под растянутой рубашкой обтягивает грудь. Облегающие джинсы сидят так, что любой мужик в этой дыре хотя бы раз представил ее голой.

В ее зеленых глазах нет страха. В них вызов и что-то неуловимое.

– Как зовут? – дерзко спрашиваю я.

– Лорен.

Она не опускает взгляд, а смотрит прямо, отчего внутри возникает необъяснимое тепло. Я расстегиваю две пуговицы на ее рубашке и завязываю узлом на животе, оголив талию, а потом оборачиваюсь и громко говорю.

– Он сам подписался на это. Его никто не принуждал. Так, Тайлер?

– Так, – доносится снизу.

– Ты как? – спрашиваю, продолжая смотреть на губы Лорен.

– Жить буду, – хрипит он.

К парню спускаются дружки. Он приподнимает сломанную ногу и хрипит от боли, но мне плевать. Я крепко сжимаю руку девчонки и веду ее на стоянку, а когда мы подходим к моему мотоциклу, преграждаю ей путь.

– Готова уехать со мной? – склоняюсь к ее уху. – Это может быть опасно, учти.

Я не из тех, кто будет принуждать. Мне нужно знать, что она едет по своей воле и точно знает – зачем. Конечно, есть правила и все в курсе, но мы не преступники. Тем более я. Мне противна одна мысль о насилии над женщиной. С парнями все иначе. Там я развлекаюсь, как хочу... как и с девчонками, от которых слышу: “Да”. Это еще одна причина, почему сейчас я требую четкого ответа.

– Поехали, – с хитрой улыбкой отвечает Лорен.

Я сажусь на мотоцикл. Вибрация металла уходит в ладони и в костяшки, которые сегодня побывали в чужой крови. Киваю Лорен, чтобы села сзади, и вижу, что она не боится, как те, другие. Не оглядывается на толпу, не звонит маме или подруге. Не спрашивает адрес. Она не отрывает взгляд от моего лица и так ловко перекидывает ногу, будто каждый день ездит на мотоциклах. Ее бедра сжимают сиденье, а ладони ложатся мне на живот. Я давлю на газ, и мы вырываемся в ночь.

Вспышка желтого света фар – и я вижу ее улыбку. Вспышка синей вывески какого-то бара – я смотрю на ее чуть приоткрытые губы и сильнее сжимаю руль. Мне так хочется прикоснуться к ней, что в глазах рябит.

Через двадцать минут мы заезжаем на подземный паркинг под высоткой в центре города. Остановившись, я оборачиваюсь, но девчонка все еще держит меня. Наши губы останавливаются в сантиметре друг от друга, дыхания сплетаются, и тут я понимаю, что проиграл.

Не в бою, а когда позволил Лорен сесть на мотоцикл.

Лифт, коридор, дверь.

Я отсчитываю каждый шаг до момента, когда мы останемся наедине – в тишине моей квартиры, где все подчиняется единственному правилу: никаких правил и угрызений совести.

Открываю дверь, пропуская Лорен внутрь. Она останавливается посреди зала и оглядывается.

На стенах нет фотографий, на полках нет безделушек. В холодильнике только вода и протеиновые батончики. Так выглядит квартира, в которой никто не живет. Ее взгляд скользит по пустым стенам, по голым полкам, по дивану. Она смотрит на мою жизнь, вернее, на то, что от нее осталось. Я же обнимаю ее сзади и жду банальный вопрос, но она не спрашивает, будто знает все обо мне.

– Хочешь выпить? – спрашиваю, ведь если не сделаю хотя бы что-то, то наброшусь на нее прямо здесь.

Лорен качает головой.

GAITS – Wherever you go

– Тогда расслабься, – склоняюсь к ее шее и медленно целую родинку рядом с ключицей. – Я не кусаюсь, если только ты сама не попросишь.

Она вздыхает. Так томно и прерывисто, что вокруг меня накаляется воздух. Напряжение заполняет всю комнату, давит на грудную клетку и заставляет сердце биться чаще.

Я с трудом отрываюсь от нее, достаю бутылку виски из бара и считаю до десяти. Хочу дать ей время передумать.

Раз, два, три...и мать его, десять!

– Ты всегда такой самоуверенный? – спрашивает она, сев за стойку.

– Только когда знаю, чего хочу, – заполняю стакан до краев. *Черт, слишком много...* Янтарная жидкость выливается

на столешницу и вибрирует от стука в моих висках. – А ты знаешь, чего хочешь?

Она усмехается.

– Думаешь, ты единственный, кто умеет играть?

– Не единственный, – делаю глоток и подаюсь к ней. – Но я играю лучше.

Еще глоток, два... и мои руки обхватывают ее талию, а пах упирается в живот. Она сидит, я стою, *во всех смыслах*, и мечтаю поскорее раздеть ее. Лорен нравится то, что я с ней делаю. Она запрокидывает голову и открывает мне вид на длинную тонкую шею. Я провожу большим пальцем по ней и чувствую, как она напряжена.

– В этой комнате нет правил, – шепчу я. – Нет твоих дружков. Нет подруг. Нет завтра. Есть только ты и я.

Она закрывает глаза и делает вдох, но слишком глубокий, чтобы быть случайным. Я целую кончик ее носа, тянусь к мочке и спускаюсь к плечам, оставляя влажную дорожку на коже. А когда стягиваю лямки лифчика и приподнимаю топ, девчонка зарывается пальцами в мои волосы. Она сжимает их и сдавленно стонет, не позволяя себе кричать.

То ли не привыкла, то ли смущается. А может, просто никто не подводил ее к черте, когда мозг отключается и остается только чистое неприкрытое желание секса.

Ее глаза распахнуты, а грудь вздымается так часто, будто она бежала. На шее виднеется красное пятно от моих губ. Я смотрю на него, и это зрелище заставляет кровь приливать

к члену.

Я готов, она готова. Ни к чему тянуть дольше.

Мои руки скользят по ее спине и сжимают ягодицы. Они такие округлые и упругие, что я давлюсь слюной. Лорен выгибается навстречу, позволив мне прижаться к ней сильнее. Ее ноги обвивают меня, и я, наконец, ощущаю жар, исходящий от нее, даже через джинсы.

В паху разгорается пульсирующая боль желания, которую я больше не могу сдерживать.

Я веду ладонь вниз по ее животу, ощущая, как подрагивают мышцы. Расстегиваю пуговицу и проникаю под кружево ее трусиков.

Да...

Она горячая, влажная, моя... а этот твердый бугорок между лепестков уже молит мои пальцы поиграться с ним.

Надавливаю на него и заставляю мир вокруг нас остановиться. Девчонка выгибается, впивается ногтями в мои плечи, но мне не больно.

Боль – это то, что я оставил там, в яме. А здесь она – приглашение к более решительным действиям.

Давлю еще раз и рисую круги. Реакция та же, но она становится острее, и этостораживает меня.

Обычно мои любовницы сами переходили к главному: раздевали меня, вставляли на колени и брали в рот член, а Лорен медлит, будто ждет чего-то.

Здесь что-то не так.

Я останавливаюсь у входа в нее. Ее тело напрягается – не от удовольствия, а от чего-то другого. Девчонка слишком зажатая, будто каждая мышца кричит мне: “Нет!”

Я уже видел такую реакцию однажды. . . Всего раз, но этого хватает, чтобы заставить меня вздрогнуть.

– Лорен, – мой голос становится громче. – Что происходит? Ты же не. . .

Она не дает договорить, а утвердительно машет головой.

С этого момента все внутри меня рушится. Я отдергиваю руку, будто обжегся. Отступаю на шаг. Два. Смотрю на нее, а в голове нет ничего, кроме белого шума и единственной, мать его, фразы: “Она девственница! Девственница! Черт!”.

– Почему ты не сказала?

Лорен молчит, медленно поправляет джинсы и топ. Это выглядит так, будто она разочарована и одновременно рада, что мы не зашли дальше. В ее зеленых глазах нет страха или стыда, а есть едва уловимая усмешка.

Тот самый вызов, который и привлек меня к ней.

– А ты бы поехал со мной, если бы сказала? – вдруг спрашивает она.

– Нет, – рычу я. – Я не связываюсь с девственницами. Никогда.

Хлоя была единственной. Первой и последней. Я помню, как дрожали ее руки, как она сжимала простыню и смотрела на меня так, будто я разбил ее на миллион осколков. Тогда я поклялся себе больше никогда не быть чьим-то первым. Не

нести эту ответственность и не рисковать снова увидеть этот взгляд.

А эта... эта просто пришла и решила за меня!

– Значит, я правильно сделала...

– Ты обманула меня, – каждая буква пропитана злостью.

– Ты знала правила. Все знают.

– Я хотела посмотреть, какой ты на самом деле, – признается Лорен. – В университете о тебе ходят легенды. Девчонки мечтают оказаться здесь, в этой квартире. Мне стало интересно.

– Интересно? – я сжимаю кулаки и бью в стену. – Ты пришла сюда, чтобы посмотреть на меня? Я, что, похож на гребаного кролика в зоопарке? Ты выставила меня...

Я не договариваю. Слово “болваном” застревает в горле, потому что это правда.

Делаю шаг к ней, но она не боится, хотя видела, на что я способен. И раз уж говорить о городских легендах – каждый, кто бывал в яме знает: со мной опасно шутить.

Я прижимаю ее к стене и ставлю руки рядом с головой. Снова чувствую ее запах, слышу дыхание, вижу, как дрожат ее длинные ресницы.

Я хочу ее. Да... До скрежета зубов, до боли, и ненавижу за это.

– Значит, это простой интерес? – цежу сквозь зубы. – Я не верю. Говори, зачем ты приехала?

– Мой брат, Скотт, уже год не вылезает из больниц из-за

тебя, – отвечает тихо. – Он не был в яме. Он...был просто студентом. А ты выследил его и избил. Я хочу знать, за что?

Мир останавливается.

Скотт.

Парень с каштановыми волосами. Я бил его, пока не превратил лицо в кровавое месиво. Помню его глаза, а еще – что этот подонок сделал за неделю до этого.

Тот день выжжен у меня на сердце и в мозгу!

Тогда, год назад, мы с Хлоей повздорили. Так, ничего особенного, просто ревность. Она кричала, что я не смогу измениться, что я опасен, а потом хлопнула дверью и пошла домой.

Пошла по той чертовой темной улице, где ехал этот пьяный ублюдок Скотт!

В отчете говорится, что виновата неисправная машина, но я знаю: он сбил Хлою и разрушил мою жизнь, потому что набрался. Не смог просто сказать себе “нет!” и остаться в своей занюханной общаге!

Я надеялся, что копы разберутся с ним, но зря. Он сумел отвертеться. Если бы не мои связи, я бы не узнал про промилли в крови ублюдка. Но их скрыли. Экспертиза тоже исчезла, а дело развалилось в суде.

Тогда я понял, что сам должен стать правосудием, и стал им. Нашел эту мразь и заставил его пожалеть, что родился на свет! Только его сестра не могла узнать, кто это сделал, потому что в тот вечер я специально скрыл свое лицо.

Лорен смотрит на меня и ждет ответа.

– С чего ты решила, что это я?

– Считай, что я провела расследование. Один человек, кто не скажу, видел, как ты следил за Скоттом, но побоялся рассказать об этом.

– Это домыслы, – вру я. – Убирайся.

– Нет, – она не двигается. – Ты ответишь – почему?

– Убирайся, Лорен. Повторять не буду.

– И что ты сделаешь?

Я хватаю девчонку за плечо. Не так, как мог бы, но достаточно, чтобы заставить ее заткнуться. Тащу к двери, открываю ее и выставляю лгунью в общий коридор.

Лорен делает шаг за порог и спотыкается, и тут во мне что-то щелкает. Я ловлю ее. *Автоматически*. Убеждаюсь, что она устойчиво стоит на ногах, и возвращаюсь к себе, громко хлопнув дверью. А когда остаюсь один, прислоняюсь лбом к створке и прислушиваюсь к тому, что происходит на лестничной клетке.

Сначала я слышу, как она всхлипывает, потом ее шаги. Они становятся все тише и тише, в то время как в висках отчаянно шумит кровь.

Я опускаюсь на пол и смотрю на свои руки. На костяшки, которые помнят лицо ее брата. На пальцы, которые минуту назад хотели быть внутри нее, и думаю: “Она гораздо сильнее, чем кажется. Такая маленькая, хрупкая и очень смелая, раз приехала сюда и потребовала ответа. Но я не дам его,

пусть не надеется. Он останется внутри меня. Навсегда”.

Глава 2

ЛОРЕН

г. Чикаго, квартира Кейдена.

GAITS – Edge of the world

Я стою в коридоре и смотрю на эту идеально гладкую деревянную поверхность, которая только что отделила меня от него. В груди колотится так сильно, что я отчаянно ловлю воздух, а в голове вертится каша из обрывков нашей встречи: его голос, его руки и его карие глаза.

Я провожу ладонью по лицу и чувствую, как горят щеки.

Не от пощечины, а от поцелуев и непонимания, как я могла позволить ему это.

Почему я сразу не сказала, зачем приехала сюда? Это же так просто – раскрыть рот и потребовать ответа! Прямо на пороге! Но вместо этого я подпустила Кейдена так близко... и на миг поверила, что может быть иначе.

О чем я? Он превратил жизнь моего брата в ад! Теперь Скотт прикован к больничной койке и нет гарантии полного восстановления, а Ке... этот монстр радуется жизни и пару раз в неделю водит сюда шлюх!

Я не считала их, конечно же. Знаю только, что после каждой победы этот мужлан уезжает с новой пассией. Он проводит с ней ночь, и никогда не выбирает одну и ту же дважды.

Девчонки в университете только об этом и говорят. Я слушала их и не верила, что такое возможно.

Как один человек может брать что хочет, и все с этим соглашаются? Кто контролирует эти дурацкие правила и были ли случаи, когда девчонка отказывалась?

Вряд ли, ведь он настоящий тестостероновый ураган.

Я думала, что простою там, в толпе, не одну неделю, прежде чем Харт заметит меня. И вот я здесь, на пороге его квартиры. Я так и не узнала правды, но выяснила гораздо более страшную вещь: даже после всего, я очень хочу остаться.

Я правда хочу это воплощение всего самого мерзкого, эгоистичного и привлекательного одновременно – Кейдена Харта! И ненавижу его за это!

Захожу в лифт и смотрю на себя в зеркало. Вид ужасный: взлохмаченные волосы, блеск размазан над правым уголком губ, а на шее виднеется красное пятно.

Поздравляю, твой первый засос! Такого не случилось даже на первом свидании в школе...

Я прикрываю его воротником и касаюсь припухшей кожи кончиками пальцев.

Мне кажется или эта отметина еще горит его теплом?
Двери открываются, и я выскакиваю. На улице прохладно, темно и... тоскливо.

Надеюсь, что глоток свежего воздуха вернет меня к жизни и прогонит странные мысли об этом монстре...

Я вдыхаю раз, два, три...

Не помогает.

После занятий я работаю официанткой в баре с говорящим названием: «Козел Билли».

Почему говорящим? Просто наш владелец, Билли Саммерс – настоящий козел: он часто задерживает зарплату, надеясь, что нам достаточно и чаевых.

Не то, чтобы мне не хватало денег... Просто я не хочу зависеть от родителей целиком и полностью. Я достаточно взрослая, чтобы зарабатывать на мелкие расходы.

Сейчас меня подменяет подруга и соседка по комнате Эмили, поэтому я спешу, чтобы помочь ей.

По иронии квартира Харта находится неподалеку, поэтому я иду пешком: смотрю вперед, считаю трещины на ас-

фальте, потом сбиваюсь, потому что перед глазами снова возникает его лицо.

Что бы я ни делала, он продолжает держать мои мысли в заложниках, и мне это надоело!

Какая же я дура! Мало ли что он мог сделать со мной! Никто бы не узнал об этом! Он же находился в своей квартире! И я приехала добровольно! Кто бы потом поверил мне?

Останавливаюсь у перехода.

Но он отдернул руку и не пересек черту... Это бесит больше всего!

Сзади меня подталкивает прохожий. Я извиняюсь и перехожу дорогу, а сама продолжаю уговаривать себя.

Забудь! Он животное, которое безжалостно уничтожило жизнь брата! Да еще и трус! Я все равно не смогла бы доказать его виновность! Это были бы слова, но он так и не признался!

Скотт ничего не рассказывает, будто боится мести, а я устала смотреть на его мучения, созваниваясь с ним по скайпу в выходные.

Он там, в другом городе, за сотни миль отсюда, а я... боюсь влюбиться в того, кто сделал это с ним!

Сворачиваю на Мэдисон-стрит. Фонари здесь слишком тусклые, чтобы отчетливо видеть хотя бы за десять метров, поэтому мне кажется, что сырой асфальт тянется в бесконечность. Мимо меня проносятся машины, где-то вдалеке воеет

сирена, в лицо дует прохладный ветер и треплет волосы.

Я убираю их с глаз и перекидываю на одну сторону.

*Мне нужно выговориться! Рассказать Эмили, что я на-
творила. Она не знает, где я была, и наверняка покрутит
пальцем у виска под громкое: "Ты спятила". Ну и пусть.
Главное, что она выслушает меня.*

Я захожу в бар через черный вход. В подсобке пахнет кар-
тоном и дешевым моющим средством, а из зала доносится
какой-то старый рок.

Я толкаю дверь и вижу Эмили за стойкой: она протирает
бокалы и что-то напевает себе под нос. Ее рыжие волосы со-
браны в небрежный пучок, поверх джинсов и футболки по-
вязан фартук, а на левом запястье надет ее любимый кожа-
ный браслет.

Мы дружим со школы и, как и положено закадычным по-
дружкам, поступили в один университет, только на разные
факультеты, поэтому я знаю, что Эм носит свой талисман
уже три года – с тех пор как умер ее отец.

Подруга замечает меня, и ее брови ползут вверх.

– Лорен? Все в порядке? Я звонила тебе раз сто!

– Да?

Достаю мобильник из кармана и понимаю: она явно пре-
увеличивает. Там всего-то тридцать два пропущенных. Но и
их я бы не услышала из-за бесшумного режима.

– Прости, а что ты хотела?

– Предупредить, что я справлюсь сегодня, и ты можешь

не дергаться... раз у тебя дела. Все нормально?

Подхожу к стулу и, рухнув на него, шепчу:

– Я только что была в квартире Кейдена Харта.

Эмили роняет полотенце на стойку, открывает рот, потом закрывает, затем снова открывает и вместо слов издает какой-то странный писк.

– А он... вы... – она запинается, подбирая слова. – Он что-то сделал?

– Нет. Как ты знаешь, у меня не было парней, и он это понял...

Эм прищуривается.

– И как же? По глазам прочел?

– Может быть.

Подруга обегает стойку и обнимает меня.

– Боже, как ты вообще оказалась там? Неужели хотела прикончить его?

– Я... пришла на его бой. В яму.

– Что? – Эмили вздрагивает и крепко хватается за плечи. – Сдурела?

Вздыхаю.

– Я знала, что ты меня поймешь и... поддержишь.

– Ладно, прости. Просто я ушам своим не верю... Он выбрал тебя, и ты пошла к нему?

– Узнать правду о Скотте...

Мало ли что она сейчас подумает!

– Так он тебе и признался! – Эм закатывает глаза. – Или?

– Нет, – машу головой. – Он взбесился и выставил меня.

– Как мило. Просто герой.

– Я сама в шоке от себя.

– Еще бы! Пойти с Хартом к нему домой... Это надо быть наглухо отбитой. Он же мог тебя изнасиловать. Помнишь ту историю...

– Девчонки врут, – перебиваю я. *Чисто из желания рассказать правду. Наверное.* – Он не такой. К несчастью...

– Аха, – протягивает Эм. *Я знаю этот взгляд, и он означает: «Я требую подробностей».* – И что это значит? Ты втрескалась в этого мужлана?

– Я не знаю, что это значит.

Мой голос срывается и к глазам подступают слезы.

От злости? Обиды?

Я не знаю, почему, черт возьми, мне не все равно на него!

Эмили смотрит на меня несколько секунд и ведет вглубь зала. Пока я устраиваюсь за столиком с чьим-то именем, написанным на столешнице, подруга мешает мне коктейль.

Сегодня это «Секс на пляже» в высоком бокале.

Она выбрала его специально. Все еще не верит, что между нами был только спор...

Я делаю глоток и продолжаю молча смотреть на Эм.

– Хорошо, что ничего не случилось. Но впредь я буду брать с тебя клятву на крови, что ты не сделаешь очередную глупость и вместо работы не помчишься к...

– Обещаю. Никаких глупостей.

– Развлекайся, – Эм улыбается. – Под моим присмотром.
– Угу.

Я киваю и начинаю медленно рассматривать зал.

Справа от меня, у самого окна, сидит парочка. Девчонка в вязаном свитере положила голову парню на плечо, а он гладит ее по волосам и что-то шепчет на ухо.

Кажется, они счастливы.

Дальше, за соседним столиком, расположились трое байкеров в потрепанных косухах. Они громко смеются, чокаются и стучат стаканами по столам так, что солонки подпрыгивают.

Парни живут по своим правилам, и никто им не указ.

Слева, за двумя сдвинутыми столиками, разместились компания студентов. Они активно обсуждают что-то, шутят, фоткаются на телефон и строят рожицы.

А я чувствую, как внутри разрастается дыра. Сначала маленькая, размером с монетку, а потом она становится все больше и больше.

Я учусь на первом курсе Северо-Западного университета Чикаго. На юридическом. У меня обычные любящие родители, папа – инженер на заводе, мама – медсестра в городской больнице Далласа, и брат, который сейчас лечится там же.

Моя семья живет в скромном двухэтажном доме в пригороде, где по утрам пахнет кофе и тостами, а на крыльце спит старый лабрадор Бадди. Они ведут обычную, скучную жизнь, и не так давно я тоже была ее частью, но год назад

все изменилось.

Тогда Скотт поступил в “Северо-Западный”, где сейчас учусь я, и почти сразу же оказался в больнице. С тех пор на лице мамы редко появляется улыбка.

А я...

Я живу по расписанию, которое сама себе составила: лекции, работа, разговор с братом, сон.

Вернее, жила, пока не поехала с Кейденом и не позволила ему прикоснуться к себе по-настоящему. Сегодня он взял мою жизнь и перетряхнул, как сумку, вывалив из нее все содержимое.

Опускаю взгляд на свою рубашку и замираю. Она завязана узлом на животе.

Неужели я сама, вот этими пальцами, повторила то, что сделал Харт, будто он влез ко мне в голову и нажал на нужную кнопку?

Тяну за кончик ткани, развязываю узел и расправляю рубашку.

– Лорен? – Эмили подходит сбоку и ставит передо мной еще один коктейль. Я вздрагиваю, потому что подруга появляется бесшумно. *Или я была не здесь...* – Не говори, что еще что-то случилось.

– Нет, я...

В этот момент мир замедляется, как в кино, когда режиссер хочет, чтобы зритель запомнил каждую деталь. Музыка в баре становится приглушенной, и смех за соседними сто-

ликами звучит где-то очень далеко.

Парень из студенческой компании, тот, что в синей толстовке с капюшоном, вскакивает с места и радостно кричит:

– Кей! Твою мать, ты здесь!

Я поворачиваю голову и снова вижу его! Кейдена!

Это сон? Что он здесь делает?

Харт стоит в дверях бара. В черной куртке, надетой поверх футболки, потертых джинсах и тяжелых ботинках. Его волосы влажные от моросящего дождя, а на лице – ни одной эмоции.

Наши взгляды встречаются, заставляя меня вжаться в стул. Буквально. Я физически чувствую, как спина прилипает к деревянной спинке и немеют ноги.

Он здесь и смотрит только на меня.

Эмили что-то говорит, но я не слышу ее. Парни машут вслед приятелю, зовут его, но он даже не оборачивается. Кейден идет через зал, и я считаю его шаги...

Топ, топ, топ – мое сердце бьется в такт им.

Харт останавливается у моего стула и смотрит на меня сверху вниз.

– Домой не дошла и решила напиться? – надменно спрашивает он.

Сжимаю край стула.

– Я здесь работаю, вообще-то. В отличие от некоторых.

Звучит по-детски, знаю, но ничего не могу поделать с собой.

Он садится на соседний стул, не спрашивая разрешения, и скидывает куртку на столик.

– Я тоже работаю,

– Это не работа, – смотрю на его руки и замечаю свежие ссадины. *Видимо, после меня он успел еще кого-то отлупить. Или что-то. Стену, например.* – Это избиение людей.

– Что-то не припомню, чтобы ты отворачивалась, когда я разделявал «сборную по женскому регби» у тебя на глазах.

Он прав. Я смотрела, но видела не соперников и не удары, которыми Харт отправлял их вниз, а его самого.

– И ты пришел, чтобы что?

– Чтобы выпить, – он кивает Эмили, которая застывает с полотенцем в руках и смотрит на нас круглыми глазами.

Подруга наливает виски в стакан со льдом и ставит перед ним. У нее дрожат руки, будто это она, а не Кейден, несколько часов назад уложила на лопатки кучку спортсменов.

Маленькая лужица остается рядом со стаканом, но Харт не видит ее.

– А ты решила продолжить свою игру?

Перевожу взгляд от мокрого пятна на лицо Кейдена.

– Какую игру?

– Ты назвалась Лорен, – он склоняется над столом, и его лицо оказывается очень близко к моему. Я чувствую запах виски и еще чего-то горького, мужского. – Это вообще твое имя?

– Что? Издеваешься?

– А похоже? – он не повышает голоса, а пытается вогнать меня в этот стул с потрясающим хладнокровием. – Может, ты и не сестра Скотта вовсе. Может, ты кто-то еще. Журналистка или просто психопатка, которая коллекционирует уродов вроде меня.

Уродов? Неожиданное заявление для такого эгоистичного парня!

– Ты параноик. Мир не вращается вокруг тебя, Харт.

– Врешь, – он наклоняется еще ближе, и его колено касается моего. – Ты пришла в мою квартиру не за правдой, и сейчас ты здесь не просто потому, что работаешь.

– Я здесь работаю, – стараюсь говорить твердо. – Это моя смена. Должна была быть, но подруга меня подменила. И да, я не знала, что ты снизойдешь до посещения такого... дешевого места.

– Кто знает? Ты способна на все, – его усмешка режет по живому. – Твой братец – убийца. Может, и ты из того же теста.

– Как ты смеешь после всего!

– Что, не нравится, маленькая лгунья?

Он берет стакан с виски, но не пьет. Просто крутит его, наблюдая, как тает лед.

– Мой брат – жертва...

– Он ублюдок, который убил человека.

– И кого же?

– Спроси сама, – Кейден громко ставит стакан. – Может,

у него хватит смелости признаться...

– Нечего спрашивать. Он не мог.

– А ты задавай вопрос. Это же просто. Посмотри ему в глаза, как смотрела в мои, – Харт облизывает губы, – когда я ласкал тебя вот этими пальцами между ног.

– Чудовище, – вспыхиваю я.

– А ты дура, – он откидывается на спинку стула и складывает руки на груди. *Почему я чувствую себя виноватой?* – Думала, я не замечу, как ты на меня смотрела в яме? Как таяла, когда я к тебе прикасался? Ты пришла не узнать правду, а переспать со мной. Будь я хоть немного настойчивее...

Я чувствую, как кровь приливает к щекам.

– Заткнись.

– Правда глаза колет? – он снова подается вперед, почти касаясь моего плеча. – Ты бы дала мне, Лорен. Или не Лорен? Как тебя на самом деле зовут?

Хватит! Кем он себя возомнил? Может, я и раскисла, но всему есть предел! И глупости тоже!

Я смотрю на свой коктейль, потом на наглое, уверенное лицо Кейдена, и мое временное помешательство отступает. Внутри поднимается волна ярости, обиды, боли – всего вместе. И вот я стою на пороге, но не квартиры Харта, а очередного необдуманного шага.

Знаю, что пожалею об этом! Но меня это не останавливает.

Я беру бокал, смотрю в глаза Кейдена и медленно выли-

ваю содержимое ему на голову.

Розовая, липкая жидкость течет по его волосам, лбу, щекам, шее и исчезает под воротом футболки. Капли падают на стойку, на его куртку, на пол, но он не двигается. Только сжимает челюсть так, что желваки ходят ходуном.

В баре становится тихо. Компания за соседним столиком замирает с открытыми ртами. Байкеры перестают смеяться и теперь смотрят только на нас. Эмили прикрывает рот ладонью и то ли пытается сдержать улыбку, то ли боится. Кейден же продолжает молча смотреть на меня. На его ресницах блестят капли коктейля, и он моргает, смахивая их, но не поднимает руку, чтобы вытереть лицо.

Я должна радоваться, но, к несчастью, быстро осознаю, что с этого дня Харт сделает все, чтобы превратить мою жизнь в кошмар.

Я имитирую уверенность, ставлю бокал на стол и иду к выходу. В груди – пожар. В голове – его лицо и слова: «Скотт убил человека».

Он лжет? Конечно, этого не может быть! Не может!

Но почему тогда в глубине души я чувствую, что Кейден сказал правду?

Глава 3

КЕЙДЕН

г. Чика

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.